

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Статья Ф. В. Духовникова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Лебедева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Насколько намъ извѣстно, писать первую подробную біографію Н. Г. Чернышевскаго задумалъ покойный Флегонтъ Васильевичъ Духовниковъ.

Духовникову принадлежитъ почтенное мѣсто въ ряду изслѣдователей саратовской старины; его дѣятельность выразилась въ работахъ по археологіи и исторіи края, имѣющихъ большое значеніе для изученія Саратовской губерніи. Но особенно велики заслуги Ф. В. по части изученія того матеріала, который относится къ жизни и дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго. Ф. В. усердно собираетъ относящіеся сюда матеріалы, тщательно записываетъ воспоминанія и рассказы о Николаѣ Гавриловичѣ, и въ результатѣ, — спустя годъ послѣ смерти Чернышевскаго, — появляется начало монографіи о великомъ покойникѣ. Судя по сохранившимся матеріаламъ видно, что Духовниковъ предполагалъ дать, дѣйствительно, цѣлую монографію, съ подробными характеристиками родныхъ и знакомыхъ Николая Гавриловича, той среды, гдѣ онъ вращался и т. п. Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1890 г. появляется начало этой первой въ литературѣ большой работы о Чернышевскомъ. Съ громаднымъ интересомъ читающая публика узнала массу интереснѣйшихъ подробностей о первыхъ годахъ жизни Н. Г. Рассказываютъ, что „Русская Старина“ получила, будто бы, даже много лишнихъ подписчиковъ на 1891 г., заинтересовавшихся работой Ф. В. Духовникова.

Между тѣмъ, авторъ продолжалъ свои разысканія: были написаны еще двѣ большихъ тетради, и, вотъ, въ 1891 г. для „Русской Старины“ была уже набрана часть этого матеріала. Но „случилась случайность“: цензура усмотрѣла крамольный оттѣнокъ статьи, выразив-

шійся въ пользованіи недозволеннымъ въ то время романомъ „Что дѣлать?“ Статья была прекращена печатаніемъ, и подписчики „Русской Старины“ остались безъ интереснаго матеріала.

Но не погибъ этотъ матеріалъ.

Духовниковъ тщательно продолжалъ собирать свѣдѣнія о Чернышевскомъ. По всѣмъ расчетамъ, у автора должна бы была составить неоднотомная монографія, если бы неожиданная смерть Ф. В. (1 февраля 1897 г.) не прервала его плодотворной дѣятельности. Въ настоящее время мы получили доступъ къ этому матеріалу. Съ любезнаго дозволенія собственницы литературнаго наслѣдія покойнаго изслѣдователя, М. В. Шмелевой, мы издаемъ теперь то, что было вполнѣ уже обработано Духовниковымъ. Эта работа обнимаетъ собой около трехъ лѣтъ жизни Н. Г. (1850—52). Въ статьѣ Ф. В. столько интересныхъ подробностей, совсѣмъ еще неизвѣстныхъ въ нашей литературѣ, столько воспоминаній о Чернышевскомъ его современниковъ и современницъ, что эта часть работы Духовникова, представляющая собой вполнѣ самостоятельное и законченное повѣствованіе о жизни Чернышевскаго въ Саратовѣ за указанный періодъ времени, — читается съ громаднымъ интересомъ. Въ статьѣ Ф. В. находимъ и блестящія характеристики учителей тогдашней семинаріи и гимназій.

Мы печатаемъ статью безъ всякихъ измѣненій, воспроизводя и тѣ мѣста, которые были зачеркнуты покойнымъ редакторомъ „Русской Старины“, М. И. Семевскимъ (конечно, если въ нихъ есть дополненія къ основному тексту рукописи). Въ нихъ оказалось много интереснаго; къ тому же, М. И. Семевскій не допускалъ ихъ къ печати по цензурнымъ соображеніямъ. Но мѣстамъ, гдѣ это оказалось нужнымъ, мы даемъ свои примѣчанія, всегда обозначая, что именно принадлежитъ намъ, для того, чтобы не смѣшавъ работы Ф. В. Духовникова съ нашими замѣтками ¹⁾).

Въ рукописи Ф. В. статьи составляютъ VI—XV главы его труда. Для удобства читающей публики мы измѣнили нумерацію, и, поэтому, въ нашемъ воспроизведеніи работа Духовникова начинается съ первой главы. Въ заключеніе не можемъ не принести глубокой благодарности М. В. Шмелевой, разрѣшившей намъ издать работу ея покойнаго мужа, и Г. Г. Дыбову, оказавшему содѣйствіе въ доставленіи матеріаловъ пишущему эти строки.

P. S. Въ рукописи Ф. В. должно было быть нѣсколько приложеній. Изъ нихъ въ настоящее время сохранились лишь IV, V и VI, которыя и приводимъ въ концѣ.

Александръ Лебедевъ.

¹⁾ Свѣдѣнія объ археологической дѣятельности Ф. В. Духовникова см. некрологъ его, составленный А. Спицынымъ, „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“, 1897, 3, и отд. оттискъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій (1850—52 гг.).**Г л а в а I (VI) ¹⁾.**

Въ 1850 г. Чернышевскій кончилъ курсъ въ Сиб. университетѣ 11 кандидатомъ по философскому факультету, преобразованному впоследствии въ историко-филологическій факультетъ, и оставленъ при немъ для занятій. Въ университетѣ онъ приобрѣлъ почти энциклопедическія познанія, между прочимъ, онъ настолько хорошо познакомился съ медициной, что давалъ совѣты больнымъ и указывалъ имъ на лѣкарства, а когда жилъ въ Вилюйскѣ, то съ нимъ совѣтовался въ трудныхъ случаяхъ даже мѣстный врачъ.

Въ университетѣ же онъ изучилъ польскій и англійскій языки. Но главнымъ предметомъ его занятій въ университетѣ была словесность и въ частности русская литература и языкъ, а также славянскія нарѣчія, которыми онъ интересовался и въ Саратовѣ, когда онъ былъ тамъ учителемъ.

Къ университетской жизни относится его ученая работа: „Опытъ словаря къ Ипатьевской лѣтописи“, имѣющая до сихъ поръ значительную цѣнность.

Но не научными только занятіями, по мнѣнію Чернышевскаго, долженъ привлекать университетъ къ себѣ молодежь. „Университетъ“, говорилъ онъ своему бывшему ученику Саратовской гимназій, кончившему курсъ въ Сиб. университетѣ, Виссаріону Ивановичу Дурасову: „важенъ не одною наукою, которая тамъ не всегда и преподается удовлетворительно, и которой многіе студенты по разнымъ причинамъ такъ и не вкусятъ, если они ограничатся только лекціями профессоровъ; но необходимо каждому молодому человѣку пробывать въ немъ, чтобы усвоить себѣ надлежащіе взгляды, а то по окончаніи курса гимназисты поступаютъ въ разныя канцеляріи и совершенно не имѣютъ никакихъ понятій“. Точно также смотрѣли на университетъ и другіе образованные люди того времени. Такъ, профессоръ Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ высказываетъ почти тѣ же мысли о значеніи университета для молодежи („Русская Старина“, 1890 г., сентябрь, стр. 604).

Какихъ идей „понабрался“ самъ Чернышевскій, учась въ университетѣ и живя въ Петербургѣ, можно судить по рассказамъ нѣ-

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь, 1890 г.

сколькихъ лицъ, „Чернышевскій“ говорится въ „Некрологъ Н. Г. Ч.“, помѣщенномъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1889 г., № 288, 18 окт.), „былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Изм. Ив. Срезневскаго, который не разъ оказывалъ ему покровительство. Срезневскому Н. Г. Чернышевскій былъ обязанъ за сближеніе съ Введенскимъ, извѣстнымъ переводчикомъ Диккенса и Теккерея. Введенскій захотѣлъ изучить славянскія нарѣчія, и Срезневскій къ которому онъ обратился, рекомендовалъ ему въ учителя Чернышевскаго, тогда еще студента 3-го курса. Благодаря этимъ урокамъ, Чернышевскій сблизился съ Введенскимъ, которому потомъ обязанъ своимъ переводомъ въ Петербургъ“.

Такъ какъ знакомство Н. Г. съ И. И. Введенскимъ сильно отразилось на немъ, то мы коснемся міровоззрѣнія Введенскаго, для чего имѣемъ нѣсколько данныхъ.

„Какихъ взглядовъ держался Введенскій?“ спрашиваетъ А. П. Милюковъ ¹⁾: „Нѣкоторые изъ его знакомыхъ считали его крайнимъ либераломъ, а М. П. Погодинъ, у котораго онъ во время своихъ и московскихъ скитаній жилъ въ домѣ и работалъ для „Москвитянина“, называлъ его, говорятъ, родоначальникомъ нигилистовъ. Это, по моему мнѣнію, несправедливо. Что у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко, этого отвергать нельзя. Правда и то, что изъ-подъ тяжелаго гнета тогдашней духовной школы, съ ея подавляющимъ режимомъ и схоластикой, онъ вынесъ взглядъ, далеко не согласный съ принятыми вѣрованіями, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній. Нигилистомъ же его никакъ нельзя назвать.“

„Можетъ ли это понятіе быть примѣнимо къ человѣку, который любилъ искусство, восхищался Байрономъ и Шекспиромъ и посвятилъ самые сердечные свои труды переводу на русскій языкъ такихъ писателей, какъ Диккенсъ и Куперъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни того грубаго реализма, какимъ отличались всѣ вождельніи нашихъ нигилистовъ? Кто былъ свидѣтелемъ его литературныхъ сужденій и слышалъ, какъ мало придавалъ онъ значенія тенденціи въ искусствѣ, и какъ живо чувствовалъ эстетическую сторону художественнаго произведенія, тотъ, конечно, никогда не причислилъ бы его къ школѣ нашихъ поклонниковъ утилитаризма. Если онъ интересо-

¹⁾ Литературныя встрѣчи и знакомства, А. Милюкова, 1890 г., стр. 72.

вался радикальными мнѣніями, въ литературѣ и политикѣ, то далеко не раздѣлялъ ихъ“.

Почти то же самое говоритъ о воззрѣніяхъ И. И. Введенскаго и А. Чумиковъ, авторъ статьи: „Петербургскій университетъ“¹⁾. При обсужденіи направленія и взглядовъ Введенскаго на предметы слѣдуетъ имѣть въ виду также статью: „И. И. Введенскій. Эпизодъ изъ его жизни“²⁾.

Какъ хорошій знакомый и при томъ замлякъ, Н. Г. бывалъ на вечерахъ у Введенскаго, которые, по словамъ Смирнова³⁾, бывали по средамъ, а по словамъ А. Милюкова⁴⁾, по пятницамъ. Благодаря Милюкову, мы знаемъ, кто бывалъ на этихъ вечерахъ, и о чемъ шли на нихъ бесѣды.

„На вечерахъ у Введенскаго“, говоритъ Милюковъ, „чаще другихъ бывали В. Д. Яковлевъ, авторъ книги: „Италія“, Г. Е. Благосвѣтловъ, впоследствии редакторъ журнала „Дѣло“, и Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, издатель „Обще-занимательнаго Вѣстника“, иногда заѣзжалъ и Дериверъ, преподаватель Дворянскаго полка и затѣмъ извѣстный врачъ гомеопатъ.“

„Предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости“, продолжаетъ А. Милюковъ: „но часто затрагивались и вопросы современной политики. Въ 1847—1848 годахъ событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною темою бесѣды, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи⁵⁾, иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурою, читались съ усерднымъ любопытствомъ. Реформы Ця ІХ и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти во всей Западной Европѣ отодвинули литературныя интересы на второй планъ и обратили общее вниманіе на современныя политическія событія.“

Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы соціальныя, и сочиненія Прудона, Луи Блана, Пьера Леру нерѣдко вызывали обсужденіе и споры. Впрочемъ, горячихъ почитателей социализма въ этомъ кружкѣ не было⁶⁾. Н. Г., тогда еще студентъ, занялъ на вечерахъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“. 1888 г., кн. 9, стр. 133—135.

²⁾ „Русская Старина“. 1879 г., томъ XXV, стр. 72—74.

³⁾ „Русская Старина“, 1890 г., май, стр. 450.

⁴⁾ Литературныя встрѣчи и знакомства А. Милюкова, стр. 77.

⁵⁾ О другихъ литературныхъ кружкахъ того времени, см. тамъ же, стр. 164—184.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 71 и 72.

у Введенскаго видное мѣсто. Вотъ, что рассказываетъ объ этомъ А. В. Смирновъ ¹⁾.

„Здѣсь (на вечерахъ Введенскаго), въ дружескомъ кругу Н. Г. открылся новый міръ понятій, и, чтобы не отстать отъ другихъ, онъ началъ дома старательно изучать литературу, близкую къ предметамъ споровъ (соціальные, историческія, экономическія, а также естественныя науки), и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явился съ такими свѣдѣніями, что занялъ первое мѣсто среди друзей“ ²⁾.

Къ разсказу А. В. Смирнова, передающему интересный эпизодъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1890 г., май, стр. 450.

²⁾ При этомъ разсказѣ невольно вспоминается то, что сказано самимъ Чернышевскимъ въ романѣ: „Что дѣлать?“ о перерожденіи Рахметова. Вотъ это мѣсто.

„Въ первые мѣсяцы своего перерожденія, онъ почти все время проводить въ чтеніи; но это продолжалось лишь немного болѣе полгода: когда онъ увидѣлъ, что приобрѣлъ систематическій образъ мыслей въ томъ духѣ, принципы котораго нашелъ справедливыми, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ: „теперь чтеніе стало дѣломъ второстепеннымъ; я съ этой стороны готовъ для жизни; и сталъ отдавать книгамъ только время, свободное отъ другихъ дѣлъ, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, онъ расширялъ кругъ своего знанія съ изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, онъ былъ уже человѣкомъ очень замѣчательно основательной учености. Это было потому, что онъ и тутъ поставилъ себѣ правиломъ: роскоши и прихоти—никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Онъ говорилъ: по каждому предмету капитальныхъ сочиненій очень цѣмного; во всѣхъ остальныхъ только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнѣе и яснѣе заключено въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ. Надобно читать только ихъ; всякое другое чтеніе — только напрасная трата времени. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. Въ тысячахъ другихъ повѣстей я уже вижу по пяти строкамъ съ пяти разныхъ страницъ, что не найду ничего, кромѣ испорченнаго Гоголя; — зачѣмъ я стану ихъ читать? Такъ и въ наукахъ, — въ наукахъ даже еще рѣзче эта граница. Если я прочелъ Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направленія, и мнѣ не нужно читать ни одного изъ сотенъ политико-экономовъ, какъ бы ни были они знамениты: я по пяти строкамъ съ пяти страницъ вижу, что не найду у нихъ ни одной свѣжей мысли, имъ принадлежащей, все заимствованія и искаженія. Я читаю только самобытное, и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность“. Поэтому никакими силами нельзя было заставить его читать Маколея; посмотрѣвъ четверть часа на разныя страницы, онъ рѣшилъ: „я знаю всѣ матеріи, изъ которыхъ набраны эти доскутья“. Онъ прочиталъ „Ярмарку Суеты“ Теккерея съ наслажденіемъ, а начавъ читать „Пенденниса“, закрылъ на 20-ой страницѣ: „весь высказался въ „Ярмаркѣ Суеты“; видно, что больше ничего не будетъ, и читать не нужно“. — „Каждая прочитанная мною книга такова, что избавляетъ меня отъ надобности читать сотни книгъ“, говоритъ онъ („Современникъ“ 1863 г. № 4, стр. 492 и 493).

изъ жизни Н. Г., добавимъ еще изъ той же книги А. Милюкова одну черту, характеризующую Н. Г.

Вечера Введенскаго „сталъ посѣщать Н. Г. Чернышевскій, тогда еще молодой человекъ, скромный и даже нѣсколько застѣнчивый. Въ немъ особенно выдавалось противорѣчіе между мягкимъ женственнымъ его голосомъ и рѣзкостью мнѣній, нерѣдко очень оригинальныхъ по своей парадоксальности“¹⁾.

Эти рѣзкія сужденія, составлявшія особенность характера Чернышевскаго, высказывались имъ безъ всякаго стѣсненія и были причиною того, что многія лица относились къ нему враждебно и даже сдѣлались его врагами²⁾.

Если разсказъ А. В. Смирнова, передавшаго со словъ старожилы интересную подробность о первенствующей роли Н. Г. въ кружкѣ И. И. Введенскаго на его вечерахъ, вѣрнѣе, то мы въ правѣ заключить, что Н. Г., подобно Рахметову, будучи еще студентомъ, „уже принялъ оригинальные принципы и въ матеріальной, и въ нравственной, и въ умственной жизни, и они уже развились въ законченную систему, которой онъ держался неуклонно“ („Что дѣлать?“, „Современникъ“, 1863 г. № 4, стр. 49Г).

Такимъ онъ явился и въ Саратовъ.

II (VII).

Чернышевскій не остался въ Петербургѣ при университетѣ для занятій: 4 февраля 1851 г. онъ опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ словесности въ Саратовскую гимназію на жалованье 385 р. 35 к., при чемъ получилъ не въ зачетъ третное жалованье, а на подъемъ прогонныя деньги, и пріѣхалъ туда на Страстной недѣлѣ. Поступая на службу въ Саратовъ, Н. Г. хотѣлъ этимъ выразить свою любовь къ родителямъ, которые желали видѣть его при себѣ, а главное — отплатить хотя сколько-нибудь матери за ту самоотверженную любовь ея, которую она проявила къ нему при поступленіи его въ университетъ, тѣмъ болѣе потому, что было рѣшено, что служба въ Саратовской гимназіи—временная,

¹⁾ Милюковъ. Литературныя встрѣчи, стр. 71.

²⁾ Увѣряютъ, что г. А. Ѳ. Писемскій въ своемъ романѣ „Вабаломученное море“ придалъ Проскриптскому, одному изъ выведенныхъ въ этомъ романѣ лицъ, черты, присущія и Н. Г., котораго онъ изображаетъ и какъ студента, и какъ руководителя кружка оригинальнаго направленія. (Сочиненія Писемскаго, изданіе Вольфа 1884 г. „Вабаломученное море“ томъ VIII, стр. 140—146—168 и 169; 230—232 и томъ IX, стр. 117—120 и 139).

и онъ опять оттуда возвратится въ Спб. Хотя выше было сказано, что мать Н. Г. сама отвезла сына въ университетъ, но мы считаемъ умѣстнымъ привести подробный рассказъ г-жи Кошкиной свидѣтельницы этого обстоятельства жизни Н. Г., какъ характеризующаго его мать.

„У Н. Г. были способности громадныя. То, что онъ зналъ, ему казалось мало: ему хотѣлось знать больше. По совѣту Александра Федоровича Раева ¹⁾, родственника Чернышевскихъ, тогда еще студента Спб. университета, Н. Г. хотѣлъ учиться въ университетъ, и именно въ Петербургскомъ, который въ то время считался лучшимъ.

Отпустить Н. Г. одного въ Спб. было страшно: онъ никогда не выѣзжалъ изъ Саратова на большое разстояніе. Теперь, когда вездѣ хорошіе пути сообщенія, поѣздки въ Спб. представляются очень легкими; но въ сороковыхъ годахъ не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходныхъ сообщеній, и потому подобныя путешествія представлялись довольно трудными, тяжелыми и даже опасными. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, Евгенія Егоровна приняла неизмѣнное рѣшеніе непременно сама устроить своего сына, тогда еще мальчика, въ Спб. Приготовленія къ большому и продолжительному путешествію начались еще зимою. Необходимо было разузнать обо всемъ: о маршрутѣ, о лошадяхъ и т. п. Въ обсужденіи (вопроса А. Л.) о путешествіи приняли участіе и Родные и знакомые, и всѣ пришли къ тому заключенію, что пускаться въ такое далекое путешествіе матери, болѣзненной женщины, опасно; вдобавокъ, она никогда не выѣзжала далеко изъ Саратова и потому была незнакома съ трудностями далекаго и долгаго путешествія, но мать не склонялась ни на какіе доводы. Мы у Чернышевскихъ лѣтъ двадцать квартировали, и потому знали, что дѣлалось въ ихъ домѣ. Я была въ то время бойкая и рѣзвая дѣвушка. Слыша и видя, какъ всѣ сокрушаются объ Евгенія Егоровнѣ, я сначала шуточками вызвалась сопутствовать ей, чтобы въ случаѣ ея болѣзни помочь ей; мнѣ же самой хотѣлось посмотрѣть на Москву и Петербургъ. Евгенія Егоровна упросила мать отпустить меня съ нею, на что моя мать согласилась. Всѣ были рады этому, у всѣхъ отлегло отъ сердца.

„8 мая, послѣ напутственнаго молебна, поѣхали втроемъ на долгихъ, на парѣ, въ повозкѣ изъ цыновокъ. Съ нами былъ весь багажъ, однѣхъ книгъ, взятыхъ Николаемъ Гавриловичемъ, было

¹⁾ Нынѣ состоитъ членомъ училищнаго совѣта при св. Синодѣ. (Позднѣйшая поправка: членъ совѣта министра финансовъ).

болѣе двухъ пудовъ. Апрѣль мѣсяць былъ ясный, хорошій; такое же было и начало мая. Но съ первой же станціи пошли сильные дожди; грязь была ужасная, тяжело было ѣхать. Какъ долго тянулась дорога! Еле-еле дотащились до Балашова, гдѣ была въ то время ярмарка. Здѣсь ямщикъ купилъ третью лошадь и повезъ насъ на тройкѣ. Хотя дожди прекратились, но мы натерѣлись дорогою много неприятностей и страху; кромѣ того извозчикъ, сельскій мужикъ, оказался большимъ негодяемъ. Ночью, когда мы спимъ, онъ, бывало, посадить къ намъ пѣшехода, чтобы получить съ него за это на шкаликъ водки; а самъ идетъ пѣшкомъ; одинъ разъ пьяный чуть было не свалилъ насъ съ моста. Въ Москвѣ двое сутокъ отдохнули у священника церкви Воскресенія Словутія, Григорія Степановича, котораго саратовскіе родственники Чернышевскаго просили насъ принять и успокоить послѣ большой дороги. Москву не пришлось осмотрѣть: опять шли дожди, но все-таки посмотрѣли на Кремль, были въ кремлевскихъ церквахъ, ходили и по городу.

„Хотя извозчика наняли до Петербурга, но въ Москвѣ рассчитали его, и поѣхали въ Петербургъ въ дилижансѣ, по шоссе и доѣхали сравнительно хорошо. Александръ Ѳедоровичъ Раевъ отыскалъ не далеко отъ Спаса, что на Сѣнной, именно на Гороховой улицѣ, близъ Екатерининскаго канала, квартиру, одну большую комнату. Александра (вѣроятно, Евгенія? А. Л.) Егоровна не увѣрена была, что Николай Гавриловичъ выдержитъ экзаменъ: одни учителя семинаріи увѣряли, что Н. Г. можетъ хорошо сдать вступительный экзаменъ въ университетъ, другіе выражали сомнѣніе. Е. Е. и я ходили и въ церкви и по Петербургу, но Николай Гавриловичъ цѣлые дни проводилъ за книгами, лежа на диванѣ. Тѣлъ онъ очень мало, но зато чаю пилъ много, ему даже оставляли въ чайникѣ чай, который онъ пилъ холоднымъ.

Въ сентябрѣ, когда Н. Г. былъ принятъ въ университетъ, мы уѣхали въ Саратовъ“.

Помнилъ все это Николай Гавриловичъ и потому отправился служить въ Саратовъ, дабы быть близъ матери.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ Саратовской гимназій на урокахъ словесности, до поступленія туда Н. Г. Чернышевскаго преподавателемъ.

III (VIII).

Долгое время въ Саратовской гимназій словесность преподавалъ Ѳедоръ Павловичъ Волковъ, воспитанникъ Казанскаго университета. Онъ приобрѣлъ симпатіи своихъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ.

А. Г. Тихменевъ, составитель біографіи поэта Э. И. Губера, воспитанника Саратовской гимназіи 1830-хъ, „съ чувствомъ глубочайшаго уваженія вспоминаетъ почтеннаго наставника, имѣвшаго вліяніе на своихъ учениковъ“. Тогда, во времена Губера, Волковъ былъ, по словамъ А. Г. Тихменева, „молодой, полный жизни и души человекъ, сочувствующій современной поэзіи, любящій свою науку¹⁾“.

Нѣсколько иначе характеризуетъ Волкова другой его ученикъ конца 1840-хъ годовъ, В. И. Дурасовъ, въ статьѣ „Гимназическія воспоминанія“²⁾, изъ которой приведемъ болѣе характерныя выдержки.

„Федоръ Павловичъ Волковъ предметъ свой зналъ хорошо, но принадлежалъ, что очень естественно, къ отжившей псевдо-классической школѣ, да и самые учебники, по которымъ мы изучали такъ называемую словесность—риторика и поэтика Кошанскаго и курсъ исторіи литературы Георгіевскаго—отзывались стариною и шибали въ носъ какою-то затхлостью. Мы упражнялись въ писаніи разныхъ риторическихъ примѣровъ, заучивали формы стихосложенія—хореи, ямбы, дактили, анапесты и прочую дребедень, которая будто бы должна создавать поэтовъ, при чемъ забывалось латинское изреченіе: „orationes fiunt, poëtae nascuntur“. О литературномъ увлеченіи 1840-хъ годовъ, создавшемъ „натуральную школу“, Федоръ Павловичъ Волковъ ничего не говорилъ своимъ ученикамъ, а если когда и упоминалъ имя какого-либо изъ дѣятелей тѣхъ годовъ, то съ насмѣшкою: мальчишки, дескать, нѣтъ въ ихъ произведеніяхъ ничего возвышеннаго и величественнаго, какъ напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Державина въ родѣ слѣдующаго:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ, четырема скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми!“

и т. д. въ этомъ родѣ. Образцомъ прозы рекомендовался намъ Карамзинъ съ его округленными періодами. О Пушкинѣ Федоръ Павловичъ отзывался, какъ о писателѣ, тратившемъ свой талантъ на „пустяки“. Лермонтова называлъ просто мальчишкою-забіякою.

¹⁾ Сочиненія Э. И. Губера, изданныя подъ редакціею А. Г. Тихменева. Т. III. Сиб. Изд. Смирдина и К^о. 1860. стр. 239 и 240.

²⁾ Статья эта будетъ помѣщена въ „Саратовскомъ краѣ“, который готовится къ печати Саратовское общество вспомоществованія литераторамъ. Мы приводимъ эти выдержки съ согласія ихъ автора, нынѣ умершаго. (Статья эта не пропущена цензурою, а потому и не помѣщена въ „Саратовскомъ краѣ“) —позднѣйшая прибавка. А. Л.

а Гоголя—писателемъ грязнымъ и циничнымъ. О Тургеневѣ, Некрасовѣ, Гончаровѣ и другихъ литературныхъ дѣятеляхъ, дававшихъ извѣстный тонъ и окраску журналистикѣ, мы ничего не слышали съ учительской кафедрой, а въ учебникахъ, конечно, этихъ именъ не значилось. Критическія статьи Бѣлинскаго, печатавшіяся безъ подписи автора сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а потомъ въ „Современникѣ“, были до поры до времени совершенно намъ не извѣстны, потому что некому было указать намъ на эти статьи и объяснить ихъ содержаніе. Мы бродили въ потемкахъ и утѣждались чтеніемъ по переводной литературѣ романовъ Дюма, Феваля, Сю и другихъ подобныхъ романистовъ-французовъ.

Диккенсъ и Теккерей намъ казались скучными. Изъ русскихъ писателей мы читали Булгарина, Калашникова, Рафаила Зотова, Лажечникова, Загоскина; нравилось намъ шутовское остроуміе барона Брамбеуса ¹⁾).

Въ театрѣ мы восторгались Кукольниковъ, Полевымъ, Геденовымъ и другими авторами патристическихъ перипетій и эффектныхъ мелодрамъ съ кинжаломъ и ядомъ въ послѣднихъ дѣйствіяхъ. Однимъ словомъ, никто не руководилъ нами въ выборѣ чтенія. Мы читали все, что попадалось подъ руку, читали безъ всякаго разбора, впрочемъ, хорошо и то, что намъ не мѣшали читать, и намъ, въ этомъ случаѣ, предоставлялась полная свобода, не стѣснявшая насъ полицейско-цензурно-педагогическими наблюденіями.

Но при всемъ томъ, по отзывамъ старожиловъ, Волковъ былъ свѣтлая личность, отличавшаяся благородствомъ и честностью. Жалованье онъ, какъ и всѣ учителя, получалъ маленькое; другихъ источниковъ дохода, кромѣ частныхъ уроковъ, за которые получалъ по золотому въ мѣсяць, онъ не хотѣлъ имѣть; между тѣмъ на его попеченіи была сестра—дѣвушка, которая была выдана замужъ отчасти при посредствѣ добрыхъ людей. Вслѣдствіе чего бѣдность одолѣла Волкова, а тутъ какъ нарочно случилось обстоятельство, которое сильно отразилось на его и безъ того ничтожномъ бюджетѣ. До введенія единства кассы всѣ суммы, принадлежавшія учебнымъ заведеніямъ, хранились въ казначействѣ, въ сундучкѣ, который по мѣрѣ надобности вскрывали, брали изъ него деньги въ присутствіи педагогическаго совѣта и опять возвращали въ казначейство. Такимъ образомъ, отвѣтственность за цѣлость суммы, находившейся въ сундучкѣ, лежала на педагогическомъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ учителей, вполнѣ зависѣвшихъ отъ директора. Но директора обыкновенно

¹⁾ Въ отдѣлѣ „Литературной лѣтописи“ „Библиотеки для чтенія“ прежнихъ годовъ.

брали изъ сундучка, особенно въ первое время существованія гимназій, сколько хотѣли, и свидѣтельствованіе суммы было только номинальное. Директоръ Василій Ивановичъ Гине, преданный всей душой не гимназій, о которой онъ мало заботился, а картамъ, растратилъ казенныя деньги и, не желая подвергаться заслуженному наказанію, исчезъ. Зимой въ январѣ 1844 г., около проруби, противъ Саратова, нашли его одежду. Утонулъ ли онъ въ проруби; или же скрылся изъ Саратова, оставивъ для отвлеченія вниманія слѣдователя свою одежду около проруби,—неизвѣстно. Говорили, будто родныя его сестры видѣли его въ Петербургѣ; но онъ даже не отвѣтилъ имъ на поклонъ; точно также рассказывали, будто онъ проживалъ въ имѣніи своей жены въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губ., какъ бы то ни было, а учителямъ приходилось полатиться за растрату, и съ нихъ ежемѣсячно вычитались деньги на пополненіе суммы, растроченной Гине (Вычетъ этотъ впоследствии возвращенъ былъ всѣмъ учителямъ). Всѣ учителя проклинали за это Гине при полученіи жалованья, только одинъ Волковъ, самъ постоянно нуждавшійся, ни разу не высказалъ ни одного упрека Гине. Тяжелая матеріальная обстановка и грубая среда, въ которой онъ вращался, довели его до пьянства, которому онъ въ послѣдніе годы учительства предавался съ наслажденіемъ. Какъ истый пьяница, онъ наливалъ въ стаканъ вина, въ который обмакивалъ кусокъ хлѣба, и затѣмъ изъ него высасывалъ вино. Будучи выпивши, онъ обличалъ симпатичнаго и добраго законоучителя Павла Никитича Смирнова, у котораго гимназисты, пользуясь его добротою, дѣлали для экзамена билеты, трехъ родовъ: или съ клеймомъ фабрики, или безъ него, или измятые, или совершенно не измятые. На экзаменѣ ученики брали только тѣ билеты, содержаніе которыхъ они знали. „Отецъ, отецъ! зачѣмъ ты потакаешь мошенникамъ?“—говорилъ Волковъ. Но добрѣйшій П. Н. Смирновъ никакъ не могъ искоренить подобной плутни учениковъ.

Въ преподаваніи Волковъ держался исключительно учебниковъ. Если же онъ читалъ стихотворенія и статьи, то не для объясненія ихъ, а какъ образецъ, какъ слѣдуетъ читать.

По смерти Волкова, умершаго, по словамъ старожиловъ, въ 1849 г., словесностью до назначенія новаго учителя временно занимался И. Ѳ. Синайскій, старшій учитель греческаго языка, вышедшій уже изъ семинаріи при преосвященномъ Аѳанасіи¹⁾. Хотя

¹⁾ Къ этому мѣсту Ф. В. Духовниковъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку по поводу появившихся въ то время статей архіеп. Никанора:

„Преосвященный Никаноръ въ статьѣ: „О значеніи семинарскаго образованія“, появившейся сначала въ „Странникъ“, 1890 г., затѣмъ перепе-

онъ былъ, какъ сказано выше, большимъ знатокомъ греческаго языка, но поселилъ въ гимназистахъ убѣжденіе, что онъ не считаетъ полезнымъ для нихъ изученіе греческаго языка. Въ этомъ убѣждало ихъ въ особенности то, что греческій языкъ проходилъ при немъ для проформы.

Ученики, стоя за столомъ, отвѣчали греческій языкъ по книгѣ, что онъ хорошо видѣлъ. Иногда Синайскій обращался къ ученикамъ съ укоризною. „Зачѣмъ вы передаете для отвѣта книгу? Эхъ, вы плохіе! Не можете отвѣчать по книгѣ чрезъ два стола, а непременно подкладываетъ вамъ подъ носъ! Мы, бывало, ухитрялись отвѣчать по книгѣ, которая отъ насъ лежала чрезъ три, четыре стола, и учитель даже не замѣтитъ этого“,—говорилъ онъ. Но если ученикъ, передавая для отвѣта другому книгу, ронялъ ее, то получалъ за это дурную отмѣтку. Гимназисты не только не выучивались переводить по-гречески, но даже разучивались читать. Когда же наставало время экзаменовъ, то ученики прямо заявляли ему, что они совершенно не могутъ отвѣчать по-гречески, но онъ совѣтовалъ имъ быть на экзаменѣ смѣлѣе и переводить такъ, какъ они умѣютъ, потому что ни директоръ, ни инспекторъ, ни другіе учителя не знаютъ греческаго языка, да и вообще греческій языкъ знаютъ, по его мнѣнію,

Только Тихонъ Зарайскій

Да я, Иванъ Синайскій.

Экзамены и ревизіи у Синайскаго сходили всегда хорошо. Разъ посѣтилъ урокъ греческаго языка въ послѣднемъ классѣ гимназій инспекторъ Казанскаго учебнаго округа Антроповъ, который, вызвавъ одного ученика къ доскѣ, велѣлъ ему написать „Отче нашъ“

чатанный съ добавленіемъ, несомнѣнно придуманнымъ, вымышленнымъ, въ „Православномъ Обзорѣніи“ за тотъ же годъ, и, наконецъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ, относитъ время епископства Іоанникія (Горскаго) въ Саратовѣ ко времени учительства Чернышевскаго въ Саратовской гимназій и рассказываетъ о немъ, что онъ, Іоанникій, былъ причиною выхода Н. Г. въ отставку, но это не вѣрно. Въ 1851—1853 г.г., когда Ч. былъ учителемъ въ Саратовѣ, преосвященнымъ былъ Аванасій, прослышій за либерала. Послѣ Аванасія, переведеннаго въ Астрахань, назначенъ былъ епископомъ въ Саратовѣ Іоанникій I. Вотъ почему я счелъ нужнымъ указать на лицо, которое передало мнѣ о знакомствѣ епископа Аванасія съ Н. Г.

Вообще статья архіепископа Никанора, какъ наполненная анахронизмами и невѣрно переданными и даже искаженными фактами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить матеріаломъ для будущаго біографа Ч. Несомнѣнно, архіепископъ Никаноръ включилъ въ свою статью факты, слышанные имъ отъ другихъ лицъ, не знавшихъ Чернышевскаго, безъ всякой провѣрки“.

и затѣмъ перевести на греческій языкъ. Когда Синайскій узналъ отъ ученика, что онъ не можетъ этого сдѣлать, то Синайскій, несмотря на всѣ отговорки ученика, заставилъ его написать то же самое, но только греческими буквами, потому что ревизоръ совершенно не зналъ греческаго языка. Антроповъ велѣлъ Синайскому поправить и провѣрить написанное ученикомъ. Синайскій, подойдя къ доскѣ, сталъ пожимать плечами. „Что, вѣроятно, много навралъ?“ — спросилъ ревизоръ. „Какое много, ваше высокопревосходительство! Зная, что вы такой строгій ревизоръ, я и то сдѣлалъ бы больше ошибокъ; между тѣмъ онъ хотя и долго обдумывалъ, но сдѣлалъ всего двѣ ошибки: дыханіе твердое да дыханіе слабое не поставилъ на словѣ“. Антроповъ, подойдя къ доскѣ, сдѣлалъ видъ, какъ будто читаетъ написанное, и затѣмъ, ударяя ученика по плечу, сказалъ: „продолжайте, молодой человекъ, такъ же учиться, какъ вы учились до сего времени, и пріѣзжайте къ намъ въ университетъ: мы будемъ жить съ вами дружно“. Вслѣдъ за этимъ Антроповъ вышелъ. Видъ себя отъ волненія, ученикъ совершенно не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ гимназіи, оставивъ тамъ книги и картузь, и только боялся, какъ бы его не воротили въ гимназію. Но бывали такіе случаи, что И. Θ. требовалъ отъ учениковъ знанія уроковъ. Тогда онъ вызывалъ учениковъ для отвѣта къ каедрѣ, а это значило, что ученику поставится плохой баллъ, и что ученикъ чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ И. Θ. Онъ издалъ, какъ сказано выше, греческіе словари, кромѣ того, онъ перевелъ нѣсколько книгъ съ греческаго языка на русскій ¹⁾).

Эти-то свои изданія, а равно маленькія книжечки на греческомъ и латинскомъ языкѣ Синайскій раздавалъ своимъ ученикамъ, при чемъ говорилъ: „эта книжка очень полезная для васъ, она стоитъ дешево, а кто заплатитъ больше, за это я останусь благодарнымъ“ или предоставлялъ ученикамъ платить за книжку по своему усердію. Подобную продажу книгъ онъ не находилъ нисколько предосудительною въ то время, когда было развито взяточничество. Но находились такіе ученики, которые не считали полезнымъ имѣть у себя произведенія Синайскаго. Когда ученикъ отказывался пріобрѣсть его книжку, то Синайскій отвѣчалъ: „Не возьмете, какъ хотите; васъ не неволятъ“. Въ слѣдующій же урокъ онъ вызывалъ ученика отвѣчать урокъ уже къ каедрѣ, и, разумѣется, въ результатѣ

¹⁾ Изъ такихъ книгъ намъ извѣстна одна: „Сократово ученіе по Ксенофону. Въ видѣ разговоровъ въ четырехъ книгахъ. Переведено съ греческаго Иваномъ Синайскимъ. Москва 1857 г. 1 р. 50 к.“. Очевидно, не эту книгу Синайскій раздавалъ своимъ ученикамъ, такъ какъ она въ то время, къ которому относится рассказъ, еще не была издава.

плохой балль. Догадливый ученикъ пойметъ скоро, какъ уничтожить плохія отмѣтки, но бывали и такіе ученики, которыхъ Синайскій по нѣскольку разъ вызывалъ къ каѳедрѣ. Несмотря на это, И. Ѳ. внушалъ уваженіе къ себѣ въ своихъ ученикахъ и своимъ умомъ, и своею образною рѣчью, которая постоянно испещрялась остротами. Часто онъ обращался къ ученикамъ съ рѣчами, въ которыхъ ясно и толково доказывалъ своимъ маленькимъ слушателямъ пользу изученія греческаго языка, поясняя это примѣрами. Иногда онъ пускался въ объясненіе словъ русскаго языка. Помнятъ его филологію слова „салфетка“. Не соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ о заимствованіи этого слова у нѣмцевъ, И. Ѳ. далъ иное объясненіе этого слова, по которому оно— русскаго происхожденія. Въ старину салфетка, по его объясненію, была принадлежностью только бояръ, любившихъ, какъ извѣстно, употреблять жирную пищу и пользовавшихся постоянно услугами своей прислуги. Когда на усахъ и бородѣ бывало много сала при ѣдѣ, то бояринъ говорилъ своему крѣпостному, стоявшему позади его: „Сало, Ѳедька!“ Это значило: утри сало, Ѳедька, и онъ исполнялъ приказаніе своего господина. Отъ этихъ двухъ словъ, т. е. „сало“ и „Ѳедька“ и образовалось слово „салфетка“, при чемъ ѣ выпущено, а буква д и по выговору переходитъ въ т ¹⁾).

Весело бывало въ классѣ и тогда, когда Иванъ Ѳедоровичъ, подобно прочимъ учителямъ, приходилъ въ классъ подъ вліяніемъ Бахуса, о чемъ ученики узнавали по сильному аромату, или по пурпурному цвѣту лица, который давалъ возможность судить и о его душевномъ настроеніи. Если лицо не пурпурнаго цвѣта, то Синайскій былъ въ обыкновенномъ расположеніи духа; въ противномъ случаѣ онъ бывалъ въ очень веселомъ настроеніи, и была надежда, что урокъ пройдетъ очень весело, и что не о прстивномъ греческомъ языкѣ будетъ рѣчь. Дѣйствительно, тогда онъ велъ простую дружескую бесѣду съ учениками не только о своей домашней жизни, но даже о частной жизни родителей и родственниковъ своихъ питомцевъ, которую онъ зналъ хорошо, и въ подобныхъ разговорахъ проходилъ весь урокъ. Почтенный старецъ, имѣя уже преклонный возрастъ (за 60 лѣтъ) и довольно поработавъ на своемъ вѣку, по-

¹⁾ Мы не могли провѣрить, на сколько вѣрны сообщенныя намъ свѣдѣнія о филологическихъ познаніяхъ И. Ѳ. Синайскаго: въ Саратовѣ мы нигдѣ не нашли его книжку филологическаго содержанія: „Три статьи по предмету славяно-русскаго языка: I. Нѣчто о происхожденіи и образованіи славяно-русской азбуки. II. О глаголѣ (безъ видовъ). III. Опытъ критики корнеслова къ академическому словарю церковно-славяно-русскаго языка. Москва 1857 г. Ц. 1 р.

кончилъ педагогическую дѣятельность, тѣмъ болѣе потому, что память измѣняла ему во многомъ. Этимъ недостаткомъ И. Ѳ. и злоупотребляли ученики изрѣдка. Извѣстно, что послѣ 1812 г. русскіе пропитаны были ненавистью къ Наполеону I, за разореніе нѣсколькихъ губерній и Москвы. Въ этой ненависти воспитанъ былъ и И. Ѳ. Синайскій. Хотя онъ учился въ Вологодской семинаріи, но среди гимназистовъ носился слухъ, что Синайскій вмѣстѣ съ другими семинаристами былъ высѣченъ, по приказанію Наполеона, при взятіи Смоленска. Это-то, говорятъ, и оставило въ Синайскомъ на всю жизнь непримиримую ненависть къ Наполеону. Достаточно бывало сказать или написать слово *Наполеонъ*, и Синайскій, будучи незлобивымъ, выходилъ изъ себя. Надо было видѣть фигуру Синайскаго и слышать дышавшую злобою рѣчь его, чтобы понять, какъ была сильна эта ненависть: ярость и злобу изображала вся его фигура. Когда ученики бывало не желаютъ заниматься греческимъ языкомъ, то кто-нибудь изъ нихъ или читалъ стихотвореніе Пушкина „Наполеонъ“ при входѣ Синайскаго въ классъ, или обзывалъ товарища этимъ словомъ, или другимъ какимъ образомъ произносилъ это ненавистное имя, и Синайскій, прекративъ занятіе греческимъ языкомъ, принимался объяснять коварство Наполеона, отыскивая въ немъ каждый разъ все новые и новые недостатки и пороки, или же разсматривая его пагубныя дѣйствія для Европы съ новыхъ сторонъ. Эпитеты: воръ, грабитель, душегубецъ, разбойникъ, осквернитель святыни, корсиканецъ, подлецъ, замѣнившіе слово „Наполеонъ“, постоянно испещряли воодушевленную рѣчь Синайскаго. Въ подобномъ занятіи проходилъ весь урокъ. Чтобы онъ не заподозрилъ въ истинной цѣли произнесенія слова „Наполеонъ“, ученики произносили это имя изрѣдка, раза два, три въ мѣсяцъ. Нечего и говорить, что Синайскій недолюбливалъ тѣхъ, которые симпатизировали французскому императору. Лермонтовъ, особенно Пушкинъ, были, какъ извѣстно, противоположныхъ воззрѣній на этого императора, почему пользовались антипатією со стороны Синайскаго. „Пушкинъ называлъ корсиканца великимъ человѣкомъ“, говорилъ Синайскій: „а за что? За его злодѣйства, что ли? Да, они дѣйствительно велики! Онъ разорилъ нѣсколько нашихъ губерній, нѣсколько царствъ; тысячи людей и теперь еще не могутъ опомниться отъ его злодѣйствъ. Пушкинъ самъ не понималъ, что говорилъ. И какъ же ему понимать! Онъ—мальчишка и щенокъ! Даже умеръ онъ не своею смертью!“ Если Синайскій видѣлъ у учениковъ сочиненія Пушкина, то или рвалъ ихъ, или отбиралъ ихъ отъ нихъ. Но за то онъ очень уважалъ пѣвца Екатерины, о которомъ говорилъ: „Вотъ Гавріилъ Романо-

вичъ тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ—настоящій поэтъ“.

Когда Н. Г. Чернышевскій назначенъ былъ преподавателемъ Саратовской гимназіи, то Синайскій расхвалилъ его гимназистамъ, „какъ бывшаго своего ученика. Посмотримъ же, насколько былъ вѣренъ отзывъ Синайскаго о Н. Г. Чернышевскомъ.

Сообщилъ Александръ Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

